

ФІЛОСОФІЯ

УДК 130.12

М.Я. Мацевич, канд. филос. наук, доцент

PER MARIAM...

Аннотация: в данном тексте тишина рассматривается как трансцендентальная реальность. Также, в статье показывается, что молчание имеет много измерений. Отрицательная тишина, как отмечалось Т. Мертоном, размывает и сбивает нас с толку, и мы погружаемся в мечты, а порой наоборот, распространяем тревогу. Положительная тишина сближает, заставляет понять, кто мы такие, кем мы могли бы "быть" и уменьшает расстояние "между". Следовательно, позитивная тишина подразумевает выбор и то, что Пауль Тиллих назвал "мужеством быть".

Ключевые слова: молчание, осознанность, беспокойство, созерцание, Слово, сердце, Пасха.

*Созерцайте молчание: позвольте Господу говорить в нас одним словом, что Он есть.
Св. Бруно Кельнский*

Введение. Практически в жизни каждого ищущего однажды наступает момент, когда наши вокальные, вербальные молитвы, молитвы и медитации – с акцентом на рассуждениях и размышлениях – больше не питают нас. Мы остаемся в состоянии слепой тоски, как принято определять в христианстве, слепой "ночи души". Даже интуитивные знания, концептуальная любовь, священные Слова, духовные мысли и самоанализ, препятствуют глубокому единению, к которому мы стремимся. Наша молитва жаждет "Бытия", а не "делания". Познавать Бога таким, каким Он есть на самом деле.

Монах-сальваторианец, современный польский католический философ Кшиштоф Вонс, в своих духовных лекциях и книгах постоянно отмечает, что Бог почему-то очень часто взывает именно к органам слуха, а не к разуму [2]. Желая обратиться к людям, Господь взывает к ним: "Слушай!". И в той ситуации, когда он обучал древнейший народ заветам верности Всевышнему, и когда сказал: "Возлюби", его адресование к народу было "Слушай!". Следовательно, получается, что в некотором роде первая и основная заповедь – "Слушай!"

Но в данном случае слух имеется в виду не физический, а духовный. Мы живём в постоянном шумовом поле. Тесное взаимодействие шумовых волн подобно культурным и социальным мутациям, с которыми индивиды сталкиваются каждый день (жить в обществе и быть свободным от общества невозможно). Однако специфика взаимодействий между людьми до конца никогда не проясняется: будь это шопенгауэровские дикобразы или марксистская формация. Звуки тоже мало что объясняют (обратимся хотя бы к социологии музыки Т. Адорно), но все-таки они нечто эксплицируют.

Шторм звуковых волн – лишь элемент целого, микрокосм в макрокосме. Отдельные звуки, звуковые волны – некая изоляция, вкрапления до тех пор, пока они не сопряжены между собой, с единым. Через их экзистенциальную первородную немому вербализируются философские чары музыки и претензии слушателей на фундаментальность знаний. Интересно, что чаще всего, интенционально, "объективный разум", "законы природы", "законы функционирования социума" сначала проявляются в звуке, а уже затем выкристаллизовываются в разных текстах. Так музыкальная диалектика предшествовала философско-методологической диалектике В.Ф.Гегеля.

Как это ни парадоксально, но среди всего многообразия звучаний, у музыки всегда есть свой один, универсальный голос, голос ее онтологической сути, голос беспрестанно манящий и ощутимый даже в звенящей тишине некрополей. Этот голос онтологической сути музыки всеобъемлет тысячи звуков и мелодий. Вслушива-

ясь в его зов, можно приобщиться ко всей Вселенной. Но более всего впечатляет в этом голосе – его всеобъемность и вездесущность. Музыка никогда не молчит. Даже в тишине есть неотъемлемость присутствия звучания, онтологического диктата музыки. Слушание онтологически непоправимо. Оно происходит всегда и везде. Своей формой и содержанием оно утверждает только всеединство сущего, вечность становления, предельную ответственность пред творением. Слушание не исчезает и не зависит от тенденций времени, культуры; трагизм и предельный онтологизм "Слушай!" – в том, что он есть всегда. "Слушай!" – онтологическая кристаллизация неизменного и вечного в космосе; звуковое онтологическое усилие постичь и воскресить себя.

С этого места моление становится побудительным мотивом для эволюции внутреннего слуха, оно освобождает его. Посредством слушания, Господь наставляет людей, призывая сначала примолкнуть, обучает тишине. К. Вонс акцентирует внимание на том, что [2, с.10]: велеречивость и многословие в молитве, портят и ослабляют наш слух, нашу чуткость к Богу. Чтобы учуять Господа, необходима тишина, внутренняя повинность молчания. Всевышний шепчет с помощью собственного Dasein.

"Однако следует подчеркнуть, что вначале, когда мы пробуем утихнуть, то, что мы слышим, не является голосом присутствия Бога. Мы слышим гул своих мыслей, бурю своего воображения, голоса страхов – всё то, что насобирала история нашей жизни. Слышим свои желания и чувства – добрые и злые. И нам нельзя тогда относиться к своему слуху избирательно. Необходимо услышать всё, поскольку всё, в конечном счёте, говорит нам о наших отношениях с Богом, Его Словом. Именно Его Слово делает явным то, что было приглушено и неслышимо. Мы должны тогда противостоять искушению и не производить слова искусственно, должны противостоять желанию что-то услышать. Слушание позволяет нам погрузиться в полную тишину. Возможно, мы переживём в этот момент молчание Бога. Будем учиться у Бога, Который говорит не так, как мы этого ожидаем, а так, как Сам желает. Бог будет учить нас слушать беспрекословно. Когда Бог внутренне утишит нас и настроит наш слух на Его слова, тогда мы начнём их слышать. Мы ощутим это также в созерцании евангельских событий. Мы почувствуем, что можем быть рядом с Иисусом, как Мария, у Его ног, можем слушать, почувствуем в себе звук Его речи, услышим тех, кто с Ним встречается и разговаривает" [2, с.15].

Наше "великое одиночество всего сущего", когда мы живем в этом непосредственном молитвенном состоянии (на пороге бесстрастного созерцания), напрямую

связано с тем, что Святой Иоанн Креста рассказывает об активной ночи духа в Книге 3 "Восхождения на гору Кармель" [3]. Это, когда мы учимся отрываться от соблазнительной тяги наших мыслей и чувств, которые, подобно раковой болезни, стремятся оттолкнуть нас от более осознанного внутреннего способа молитвы, к которому призывает нас Бог. Наше ложно чувство "я"... Через потакание мыслям и эмоциям, которые проходят через наш ум, мы удерживаемся в том месте, где сейчас находимся, вместо того, чтобы принять тонкое приглашение Бога. В учении кармелита Святого Иоанна показывается, как мы сопротивляемся и отвергаем Его благодать. Таким образом, наша борьба в активной ночи духа с целью минимизации сопротивления через прог्रेसивную внутреннюю отстраненность, тесно связана с его учением о пассивной ночи чувств (Книга 1. Деятельная ночь чувств Ночи [3, с. 13-43]), когда Бог принимает на себя эту работу, чтобы привести нас к тишине, которую он так сильно хочет дать: отпущение и потакание искушению "делать", а не "быть". "Восхождение..." Святого Иоанна объясняет, что "не делать" и почему, св. Бруно-картузианец показывает в эпиграфе: "как"... Слова, объяснения внутренние мысли становятся помехой, когда мы приближаемся к присутствию.

То, что выражено св. Бруно-картузианцем в эпиграфе, есть болезнь многих, чрезмерная активность и страстность, чрезмерные усилия и жажда самореализации. Они не знают, что Господь призывает их к более глубокой молитве и что они должны отпустить свое воображение, слова и т.п. Возможно, не совсем отпуская изначально, сразу, но начиная учиться слушать и отдыхать в Господе. Великий плач Святого Иоанна Креста есть приход к осознанию того, что Бог призывает всех нас просто "окончательно утишить дом духа", просто научиться слушать.

Происходящее напоминает сцену из Ветхого завета, книга Исхода, глава 3, когда Моисей спрашивает Бога о Его Имени, а Бог отвечает: "Я есмь Тот, Кто есть".

Цель данной статьи – непосредственная реализация опыта бытия быть любимым. *Цель решается путем постулирования следующих задач:* 1) слушания, 2) молчания, 3) metanoia (обращения), cog ad cog loquitur (говорения сердца с сердцем), 5) призвания, "позвал к Себе, кого Сам хотел" (Мк 3:13).

Влияние присутствия и отсутствия тишины в нашей жизни.

Все эти соображения имеют конечной целью постулирование ценности быть внимательным к тишине на пути к аутентичности присутствия. "Кажется, у всего есть свое качество молчания" [8, р. 46]. Существуют молчания, присущие тому или иному человеку, и каждое со своим собственным узнаваемым значением. Существует неловкое молчание поездки по дороге с кем-то, есть и молчание не выплеснутого гнева. Молчание окружающего мира, молчание текста, возраста, молчание тишины. Есть молчание природы. Отсутствие звуковых волн характеризует специфически каждый случай, идет ли речь о социальном или естественном контекстах. Тем не менее, каждая тишина несет своеобразный смысл, подобное происходит и в духовной жизни.

Интересующая нас тишина является внешней формой более глубокой динамики, которая может быть одновременно исцеляющей и освобождающей. Даже тот, кто не является практикующим медитации или созерцания, может воспринимать тишину как значительную ценность повседневной жизни: в 46 Псалме мы призываемся петь Господу искусные псалмы, а для этого Псалмопевец предлагает нам "пребывать в покое" и тем самым познавать Бога (Пс. 46:10). Еван-

гельское правило звучит так: "...буду петь духом, буду петь и умом" (1 Кор.14:15). Святые хранят молчание в монастырях и поддерживают "великую тишину". Такое молчание развивает созерцательность, беспристрастность, смиренномудрие.

Созерцание, которое является основополагающим для любой духовности, проявляется в изъятии и сведении ума в сердце. В течение веков, тишина и молчание были представлены в качестве контекста для Встречи с Богом. Для блаженного Иоганна Рюйсбрука, фламандского мистика, автора книги "Одеяние духовного брака", опыт Неподвижности Бога – это "простота и искренность, недоступная высота и бездонная глубина, непостижимая широта и вечная долготы; темное молчание и дикая пустыня; покой всех святыми в единстве и общее радование собою и всеми святыми в вечности..., темная тишина, в которой все любовники теряют самих себя" [5, с. 182].

Используя парадоксальную мистику и поэтику, Святой Иоанн Креста в последнем своем трактате "Живое пламя любви" пишет о тишине как "нежному влечению меня к Себе". "Де ля Крус мучительно искал слова и переделывал редакции. Первый вариант звучал так: "Святой Дух исполняет душу добротой и славой, увлекая ее таким образом к Себе, погружая ее в глубины Божьи более, чем можно описать и почувствовать. Посему на этом я кончаю". Во второй редакции ему пришлось смягчить и исправить конец: "Увлекая ее к Себе более, чем можно выразить или почувствовать, погружая ее в глубины Бога, Которому честь и слава. Аминь" [6, с. 73-74].

Или траппист Томас Мертон, в тихом уединении пишет: "Я сижу в темноте и слушаю людскую тишину. Постепенно я начинаю разбирать красноречие ночи, ночи сырых деревьев и лунного света, скользящего по склону церкви во влажной дымке спадающей жары. Миллионы неведомых существ от рая до ада оглашают ночной мир своей варварской элоквенцией. В то время как земля, подобно огромной влажной туше, отдыхает и остывает, дикая музыка набирает силу: гремит, стучит, трещит, звенит, покуда все вокруг не проникнется ее ровным безумием, никогда, однако, не переходящим грань, за которой начинается оргия – вся эта живность невинна, чиста и чужда злу. Я упоминаю о зле только потому, что знаю, как жара и неистовая музыка жизни могут сводить с ума не живущих в монастыре и толкать их на поступки, которые мир уже разучился оплакивать. Оттого некоторые и ведут себя так, словно и ночь, и лес, и жара, и животные несут в себе дурную заразу, в то время как на самом деле жара праведна, животные – дети Бога, и ночь создана не для того, чтобы укрывать грех, а чтобы раскрывать бесконечные пространства для благодати и отпускать наши души играть между звездами" [4].

Св. Тереза Авильская побуждает нас подражать святым в их "стремлении к одиночеству", молчанию, те, кто преследует такие цели, в конце концов обнаруживают, что тишина приносит им Близость к Богу, что они могут "возрадоваться" вместе в глубочайшей тишине". Важно то, что Тереза учит сестер "входить" в чудесный внутренний замок: "Вернемся же к прекрасному и усладительному Замку, и посмотрим, как в него войти. Так и кажется, что я говорю несуразное, ибо если замок – наша душа, незачем в него и входить, это мы и есть – ведь нелепо сказать, чтобы вошел в комнату тот, кто уже в ней. Но поймите, что пребывать можно по-разному. Многие души – в ограде замка, там, где стража, – совсем не хотят войти в него и не знают, что внутри, кто обитает в столь дивном доме, мало того –

какие в нем комнаты. Наверное, вы читали, в книгах о молитве, что надо войти внутрь, в свою душу; это – одно и то же. Недавно один ученый человек говорил мне, что душа без молитвы – как тело расслабленного или недвижимого, у которого есть руки и ноги, но он не может ими двигать. Бывают такие больные, обращенные лишь к внешнему, что помочь им нельзя, войти в себя они не могут. Душа так привыкла общаться со зверями и гадами, живущими в ограде замка, что почти уподобилась им, и хотя от природы она столь богата, что могла бы беседовать с Самим Богом, помочь ей уже нельзя. Если такие души не постараются, оглянувшись, понять и исцелить свою великую немощь, они обратятся в соляной столп, подобно оглянувшейся жене Лота... Насколько я могу понять, ворота в замок – молитва и размышление. Я не говорю "умная молитва", а не "устная", ибо молитвы нет без размышления: если не думать, с Кем говоришь и чего просишь, и у Кого, и кто такой ты сам, это уже не молитва "даже если мы часто шевелим губами. Правда, иногда усилий нет, ибо есть молитвенный навык. Если же кто обращается к Богу как к рабу, не заботясь о том, как молится, и говорит что попало, повторяя, что затвердил, это, по-моему, не молитва, и не дай Бог так молиться никому из христиан! Что же до вас, сестры, уповаю, что Господь такого не попустит, ибо вы приучены к молитвенному деланию, а это поможет избежать подобного скотства" [1, с. 4].

Часто первым препятствием для вышеозначенного молчания является смятение, смятение, которое парадоксально истекает в нас как боязнь и отсутствие в наличии тишины.

"Metanoia"

Вызов "обращения", преобразования молчанием является практическим, особенно во время поста. Оно означает нечто большее, чем просто изменение поведения. Что касается трансформации духа, она лучше всего отражается термином "Metanoia". Буквально это говорит о трансформации духа. Преобразование призвано открыть более глубокое тождество, индивидуальность, которая является уникальным, глубоко личным образом Божиего в человеке.

Metanoia призывает нас осознать нашу истинную самость, то, что индуистский учитель Рамана Махариши назвал способностью сознания выйти за пределы обычного самосознания.

Оригинальный греческий документ свидетельствует о "метаморфозе" Иисуса. Согласно самой сущности явлений, и об этом говорит Писание, Господь взывает к Своему творению, не исключая человека. О данном конкретно повествует первая же глава Послания к Римлянам, Псалом 19, а также Евр.1 и Ис.53.1. Мы обязаны допускать, что как "книжники", можем обладать особой способностью демонстрировать интеллектуализацию нашей духовной жизни. Но Слово не просто хочет быть понятным. Оно хочет быть любовно принятым. Если бы это была только "идея", достаточно просто стало бы "думать о" и обсуждать. Однако, Слово персонафицировано. Преобразование начинается с сердца. Любое созидание, рукотворение уже есть вместилище Слова – уже не просто некая абстракция, вещь, предмет, но личное именование, обращенное к нам Творцом. Божественный Логос. София и Промысел Божий есть единосущно исток и эманация частных логосов. Так свершается и функционирует взаимообуславливающее все вселенское присутствие.

Cor ad cor loquitur

"И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред

Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, [и там Господь]" (3 Цар.19:21).

Апостол Павел называет Христа "образом Бога" (2 Кор 4:44) или "образом Бога невидимого" (Кол 1:15). Павел ставит акцент на небесном свете. Когда происходит обращение, разум мутится, ум снисходит в сердце, только Он может помочь человеку, чтобы видеть грех в своем сердце, и только Он может переместить человека в иную плоскость, к истоку настолько, что он просыпается от боли, горя, стыда и отвращения к греху как посторонним шумам. Вспомним историю Давида и его грех. Сколько тот был закрыт на правду о грехе? Как трудно вытолкнуть этот шум из своего сознания, хотя многие из придворных Давида, конечно, видели его греховную жизнь и говорили ему об этом. Только тогда, когда Бог коснулся его сердца через пророка Нафана, он преобразился, глубоко переживая благодать покаяния. Мы можем закрыть свое сердце даже перед самым непосредственным словом Божиим, как Иуда, когда он услышал от Христа в ту ночь предательства: "делай свое дело скорее" (Ин 13:27). Тем не менее, мы можем и открыться к Слову, и как Петр горько плакать. Одно следует наверняка, перед словом не избежать "обращения". Оно затрагивает сердце глубоко. Или мы падаем перед ним, как Давид и говорим: "Я согрешил" (2 Цар 12:13), или наши сердца будут продолжать оставаться каменными.

Частое соприкосновение со Словом Бога трансформирует сердце, делает его более чувствительными к восприятию окружающего мира и любви. Это Слово, которое имеет право трансформировать, возмущать, возрождать; слово Бога, который любит нас и не оставляет до последнего часа. Будучи убежденным в этом, Псалмопевец молит: "Ибо не оставишь Ты душу мою для преисподней, не дашь (душе) благочестивого Своего увидеть могилу" (Пс 16, 10).

Слово, которое готовит волю к преобразованию, имеет воздействие на ум, сердце, волю – без ущерба для своей свободы. Святой Дух, который вдыхается в нас через Слово, а не только просвещает наш разум, так что мы можем увидеть истинную реальность. Этот Дух имеет право освободить нас от хаоса. Он имеет право создать в нас новый образ. Это ведь тот же самый Дух, который парил над оригинальным и бесформенным хаосом мира и который дал ему полную гармонию и красоту. Он творит через Слово, он делает нас "новообращенными" от беспорядка повседневного хаоса к порядку жизни в духе, Он очищает и организует нашу свободу.

Анри де Любак, в своей книге "Слово Божие в истории человечества" [7, с. 88-89] дает глубокий комментарий к этой двойной силе Слова. Внимание к Слову задевает душу и охватывает пламенем. В этом случае необходимо успокоиться и предоставить данному огненному языку тихо теплиться. С поддержкой пронизывающей атмосферы, душа проясняется и умиротворяется. Интенсивная медитация, духовное лицезрение, покаяние таинственно преображают умы и воззрения на окружающую действительность. Кроме различных душевных метаний, иллюзорных мечтаний, которые нужно систематически одолевая, свершается лицезрение сути, созерцание действительности так, как молвил о ней Господь в своем Слове и каким Он воспринимается в исполнении данного Слова. Слово затрагивает нашу духовную составляющую – это то, что движет нами, Оно является очагом идей, мудрости, любви, заключает в себе глубокое духовное содержа-

ние нашего народа, наиболее интимную часть его души, самую основу нашей идентичности. Как признается Псалмопевец: "В сердце моем сокрыл я слово Твое, чтобы не грешить пред Тобой..." (Пс.118:11).

Выводы. Мария принесла спасение миру, Иисусу. Она не может спасти нас, но она может приблизить нас к нашему спасению. Мария предлагает нам Иисуса. Она подталкивает нас быть ближе к ее Сыну. Эта вера взята из первого чуда Иисуса в Кане (Евангелие от Иоанна, глава 2). "Иисус говорит ей: что Мне и Тебе, Жено? Еще не пришел час Мой" (Ин 2:4). Мать обращается к служителям: "что скажет Он вам, то сделайте", для того, чтобы волеизъявление, требование усилилось через моление и ходатайство их самих, для безсловной явленности проистекания несогласия никак не из бессилия, а с мыслью предотвращения позиции, будто бы прибегают к волшебству, чудесам с целью реализации своих амбиций (Ин 2:5).

Почему слуги пошли к Его матери? Они искали ее заступничества попросить Иисуса помочь им. Однако это показывает, что чудо произошло не от Марии, а от Иисуса. Слуги поклонялись Марии, потому что она просила его ходатайствовать? Нет. Она приводит слуг к Сыну, говоря им: "что скажет Он вам, то сделайте". Мария призывает нас исполнять волю Господню. По ее заступничеству он показывает нам Свою славу.

Одно из многих представлений о Марии, именуется ее Матерью Бесконечной Помощи. На одноименных иконах она – центр изображения. Если мы проанализируем их, мы увидим сообщения, скрытые в изображении. Мария известна как Мать вечной помощи, и это означает, что Иисус – наша помощь, и он никогда не перестает нам помогать.

Хотя Мария и является центром подобных икон, ее руки указывают на Иисуса. Она явно ведет нас к Иисусу, нашему вечному Помощнику. Она утешает Иисуса, потому что духовно видит Его страдания и смерть. Указывая на Иисуса, показывает тем самым путь Спасения.

Мария, вынашивая в душе всегда действия, сопряженные с Христом, в этих случаях все время обучалась их сознать, раскрывала их нравственную суть, естественное значение. Ортодоксальная Церковь именуется данную фигуру мольбы Иисусовой мольбой. Она исходит из восклицаний мытаря: "Иисус, сын Давидов, по-

милуй меня" (Лк.18:39) и заключается в неустанном повторении сих благоуханных слов, трансформирующих разум и душу.

Другой тип моления появился в контексте бенедиктинских устоев. И именуется "lectio divina". Собственный конечный тип данное медитирование получило в XII столетии благодаря Гвиго Картезианцу.

Мы не можем ошибаться в любви к тому, что Господь любил и как Он любил. Таким образом, подражая Ему в любви, которую Он носил к Марии, мы вовлекаемся в более тесную близость со Своим самым Священным в Сердце, и мы приносим Ему великую радость и славу.

Если мы внимательно перечитаем "Евангелие", то заметим удивительное искусство и умение Марии молчать. Мария, как земля, как зерно, ждет своего часа. Она всей своей жизнью стоит на стороне Слова, и даже тогда, когда ей непонятно. Она верна до конца и ждет... Молчание Марии – не из страха и неверия, а из бесконечной верности, из понимания, что для Бога все возможно. Это вера Авраама, но Авраам так и не убил Исаака, а Мария держала на коленях тело истерзанного сына. Мария – первая, кто верит в кенозис, синергию молчания. Она – само молчание Храма, невидимый мир любви, милости и вездесущности Бога. Через ее "заземление", через ее "измельчание-молчание" к нам приходит Надежда, светлое сияние Пасхи...

Список использованных источников:

1. Авильская Т., св. Внутренний замок (обитель) / Св. Тереза Авильская; [пер. с испан. Н. Траубер]. – М.: Истина и жизнь, 1992. – 164 с.
2. Вонс К. Как жить Божьим Словом в повседневной жизни / К. Вонс; [пер. с польск. Д. Атрашкевича]. – Гродно: Гродненская епархия Римско-католической Церкви в Республике Беларусь, 2011. – 115 с.
3. Де ла Крус С.Х.. Восхождение на Гору Кармель / С. Х. де ла Крус; [пер. с испан. Л. Винаровой]. – М.: Православный университет Мена, 2004. С. 140-206. – 317 с.
4. Мертон Т. Ночной дозор [Электронный ресурс] / Т. Мертон; [пер. с англ. Е. Давыдовой] // – Континент, – 2013, № 116, – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2003/116/merton.html>.
5. Рейсбрук Удивительный. Одевание духовного брака / У. Рейсбрук. – М.: Мусагет, 1910. – 285 с.
6. Сикари А. Портреты святых: в 6 т. Т. 2 / А. Сикари. – М.: Христианская Россия, 1991, – 191 с.
7. De Lubac. Słowo Boga w historii człowieka / H Lubac. – Kraków: Objawienie Boże, 1997. – 192 s.
8. Martin L. A Sunlit Absence: Silence, Awareness, and Contemplation / L. Martin. – New York: Oxford UP, 2011. – 208 p.

Надійшла до редколегії 11.07.18

М.Я. Мацевич

PER MARIAM...

Анотація: у даному тексті тиша розглядається як трансцендентальна реальність. Також, в статті показується, що мовчання має багато вимірів. Негативна тиша, як зазначалося Т. Мертоном, розвиває і збиває нас з пантелику, і ми занурюємося в мрії, а часом навпаки, поширюємо тривогу. Позитивна тиша зближує, змушує зрозуміти, хто ми такі, ким ми могли б бути і зменшує відстань "між". Отже, позитивна тиша має на увазі вибір і те, що Пауль Тілліх назвав "мужністю бути".

Ключові слова: мовчання, усвідомленість, занепокоєння, споглядання, Слово, серце, Пасха.

М. Y. Matsevich

PER MARIAM...

When to speak and when to refrain from speaking... When to cast away stones and when to gather stones together... These are not black or white questions; they are not issues of youth or age, or gender. These are human questions. It is awfully difficult to step outside the self and try to evaluate a situation objectively. We must learn to use our voices wisely.

In the present article, author explains why divine silence poses a serious intellectual obstacle to belief in God, and then goes on to consider ways of overcoming that obstacle.

The purpose of this article is the direct realization of the experience of being loved. The goal is solved by postulating the following tasks: 1) listening, 2) silence, 3) "metanoia", 5) calling, "called to him those he wanted" (Mark 3:13). Basic methods of research – hermeneutical, historical comparative, general scientific methods of cognition.

Received results and their scientific novelty.

This paper posits silence as a transcendental reality. Also, the article describes conditions, which silence has many dimensions. Negative silence, as noted by T. Merton, blurs and confuses our identity, and we lapse into daydreams or diffuse anxieties. Positive silence pulls us together and makes us realize who we are, who we "might be", and the distance "between". Hence, positive silence implies a choice, and what Paul Tillich called the "courage to be".

The analysis of silence resulted in the conclusion, that authors of the four gospels showed a very deep love for Mary the mother of Jesus by writing brief moments with Mary. In Scripture when Mary is presented it is as Mother of Jesus with a simple authority of love for others. Later with the dogma of the Assumption from Pius XII and the many apparitions of Mary we see this divine love of Jesus pouring from Mary and Jesus for all mankind to live the life of love of God and others. The Magnificat of Mary is remembered.

Keywords: silence, mindfulness, anxiety, contemplation, Word, heart, Easter.